

ОПЫТ ВИЗИОНЕРСКОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ В РЕЛИГИИ И ИСКУССТВЕ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ ОЛДОСА ХАКСЛИ

В художественной практике многих писателей, поэтов и художников, в различных работах, посвященных анализу их творчества, в свидетельствах разных религиозных деятелей можно встретить указание на так называемое “визионерское переживание”. В истории культуры есть множество разнообразных его описаний – непосредственных описаний некоторого “сверхчувственного” переживания, сопровождающегося яркими, в первую очередь, визуальными образами. При этом речь фактически идет о некоем желании буквально *видеть* и *представлять* себе нечто *трансцендентное с максимально возможной чувственной достоверностью*. Тем не менее, в силу такого эзотерического характера визионерского переживания, в его описаниях всегда оставалось очень много туманного, до конца не проясненного, различных невыразимых словами образов, всего того, что с трудом поддается рационализации.

Подобным образом большинство толковых словарей определяет визионерское переживание лишь как некую, ничего не объясняющую “склонность к галлюцинациям, видениям мистического характера”¹. Несмотря на то, что феномен визионерского переживания известен в истории культуры, он, тем не менее, крайне редко подвергался некоторому рациональному осмыслению, философской рефлексии, с целью представить феномен в его определенной целостности.

Тем не менее, все же можно обнаружить такие источники философско-эстетической мысли, в которых проблема

визионерского переживания выступала центральной, но не в виде некоторого простого описания, а форме определенной философской рефлексии.

Источниками, наиболее полно отвечающими представленным выше критериям, на мой взгляд, являются философские эссе знаменитого английского писателя Олдоса Леонарда Хаксли “Двери восприятия” (1954) и, в особенности, “Рай и ад” (1956), которые, в отличие от большинства его более известных художественных произведений, таких, как “Желтый Кром”, “Контрапункт” или “О дивный новый мир”, практически не были предметом серьезного анализа. Да и в целом, как отмечает В. С. Рабинович, автор монографии, посвященной творчеству Хаксли, “в настоящий момент традиции философского анализа произведений О. Хаксли находятся только в стадии формирования”².

Предметом осмысления Хаксли в “Дверях восприятия”³ стал его личный опыт преодоления “ограниченности повседневного восприятия” – психоделическое творчество под воздействием мескалина. Анализируя воздействие психоделических веществ на восприятие человека, и связанные с этим новые возможности для творчества, в несколько менее известной книге “Рай ад” (1956), явившейся определенным продолжением “Дверей восприятия”, Олдос Хаксли непосредственно обращается к феномену визионерства, проводит определенную рефлексию своего опыта теперь уже в контексте визионерского переживания, а также намечает ряд аспектов в исследовании визионерства в истории культуры. Таким образом, в этих эссе, сохраняющих определенный характер неразрывности художественных описаний и философской рефлексии, мы можем найти определенную феноменологию визионерского переживания. Несмотря на ряд некоторых упущений, определенную полноту описаний и осмысления визионерского опыта, по сути дела, мы можем найти только у О. Хаксли.

Рассматривая философские эссе О. Хаксли в структуре его творчества и представляя визионерское переживание в его эссе прежде всего как “мир антиподов повседневного сознания” (отличающийся, согласно Хаксли от мира обыденного урезанного восприятия”, личностного подсознания или мира коллективного бессознательного), как определенную форму “расчищенного” восприятия, как “трансценденцию”, являемую все же в качестве “чувственной имманентности”, можно попытаться *выделить* и *систематизировать* характерные *признаки* визионерского переживания. Согласно О. Хаксли они таковы: переживание многократно усиленных света и цвета, сопровождающимся ярким слуховым переживанием; свобода от “языка и систем концептуального мышления”; принципиальная неантропоморфность явлений, атмосфера “сверхъестественной значимости”, связанная с пониманием “Всего во Всем”; восприятие характерных визуальных элементов – так, например “живой геометрии меняющихся образов”; падение значимости пространства и времени, воли к действию; повышенная притягательность.

Изложенную таким образом схему характерных признаков визионерского переживания можно будет использовать в качестве определенной рабочей *модели* визионерского переживания, которую можно было бы *применить* для анализа сходных визионерских переживаний любых других культурных ориентаций.

Анализ различных исторических описаний “сказочных стран фольклора и религии” (кельтская, греческая, индийская и др. мифологии), с помощью “рабочей” модели визионерского переживания может явственно проиллюстрировать соответствие этих описаний представленной выше схеме основных признаков визионерского переживания.

Применяя эту модель к анализу визионерского опыта в

католической традиции, можно отметить, что наиболее показательные описания визионерского опыта Я. Бёме, Св. Франциска Ассизского, Св. Терезы, Св. Маргариты Марии Алакоквийской и др. практически полностью соответствуют ей (видения света, ярких образов, самоцветов – в атмосфере “сверхъестественной значимости”, связанной с пониманием “Всего во Всем”, невыразимость явлений обыденным языком, яркие слуховые и чувственные переживания и т. д.). В этом контексте можно заключить, что схема О. Хаксли достаточно адекватно отражает структуру религиозного визионерского опыта и может быть использована для его анализа. Однако необходимо отметить, что в этих описаниях могут быть найдены моменты, которые не совсем укладываются в нее. В описаниях представленных видений часто указывается их напряженный характер, сопровождаемый концентрацией всех органов чувств (“Духовные упражнения” И. Лойолы) названные выше визионеры желали увидеть достаточно конкретные образы ангелов, святых и т.д. Иначе говоря, их образы могли быть определенным выражением образов Св. писания - тех образов, которые были известны рассматриваемым визионерам и которые они настойчиво стремились увидеть. Хаксли же в этом отношении утверждал, что образы визионерского переживания представляют нечто совершенно “новое”, то, что “нельзя вспомнить”. Таким образом, можно предположить некоторую культурно-историческую наполненность образов католических визионеров. В этом отношении отметим, что Олдосом Хаксли проблема социокультурной обусловленности визионерских образов специально не рассматривается.

Анализируя различные описания визионерского переживания в работах ряда представителей ортодоксальной *православной* традиции (М. Новоселов, св. Григорий Синаит, Фома Кемпийский и др.) нужно отметить, что, также укладываясь с одной стороны, по своей структуре в изложенную “рабочую модель” визионерского переживания и схему его характерных признаков, эти описания,

поднимают также вопрос, связанный некоторым образом с проблемой изображения Бога, а именно саму возможность зримо воспринимать истину.

Отсюда, возможно, и появляются такие противоположные позиции в отношении данных визионерского переживания - от доверия и принятия (прежде всего в католической традиции), до отрицания (прежде всего в православной традиции), до представления их как “опасного заблуждения”, “прелести”⁴.

Так как, согласно православной традиции, истинные видения крайне редки (ибо “очевидно, что все сочиняемое мечтательностью нашей падшей природы, извращенной падением природы, не существует на самом деле, - есть *вымысел и ложь*, столько свойственные, столько возлюбленные падшему ангелу”⁵), то лучше совсем отказаться от них. “Если увидишь что-либо чувственными очами или умом, вне или внутри тебя”, - пишет Св. Григорий Синаит, “будет ли то образ Христа, или ангела, или какого святого, или если представится тебе свет... Будь внимателен и осторожен! не позволяй себе доверять чему-либо, не вырази сочувствия и согласия, не вверься поспешно явлению, хотя бы оно было истинное и благое; пребывай хладным к нему и чуждым, постепенно сохраняя ум твой *безвидным*, не составляющим из себя *никакого воображения* и не запечатленным никаким изображением”⁶. Здесь нужно также сказать, что проблема истинности видений не акцентируется в рамках католицизма, и, заметим, Олдос Хаксли, воспитанный все же в духе “западных традиций”, проблему истинных и ложных видений также не рассматривает.

Далее, следуя намеченной О. Хаксли логике, можно проверить построенную нами схему характерных признаков визионерского переживания на основе анализа “визионерского переживания на языке искусства”, “посредством которого “возвращаются и воссоздаются переживания визионеров”⁷ - в контексте *романтической* парадигмы, постулирующей искусство одной из

главных ценностей. Отметим здесь также, что согласно К. Г. Юнгу романтическое искусство в “наибольшей степени представляет визионерский тип творчества”⁸.

Наиболее показательные описания романтиков (Э. Т. А. Гофмана в “Золотом горшке”, В. Г. Вакенродера в “Фантазиях об искусстве” и “Нескольких словах о всеобщности, терпимости и человеколюбии в искусстве”, Новалиса, Л. Уланда (“О романтическом”), У. Блейка (“Бракосочетание Неба и Ада, “Путем Духовным” и др.) свидетельствуют о сложном характере визионерского переживания. *С одной стороны*, романтические описания соответствуют изложенной нами схеме, и потому могут быть анализированы на ее основе, *с другой*, они определенным образом дополняют ее, акцентируя “чувственно имманентный” характер визионерского переживания, а также специфику аудиальную составляющей во взаимодействии с визуальными образами.

Можно предположить, что опыт визионерского переживания был необходим романтикам в свете их постоянной тяги к Бесконечному, к выходу за пределы повседневного опыта, предопределялся их интересам к нетривиальным формам чувственности. Благодаря тому, что в визионерском переживании указанная трансценденция являет себя также как “чувственная имманентность”, это переживание имеет характер непосредственно данной во всех ощущениях реальности, а также создает некоторое непосредственное ощущение “владения истиной” в совершенном ее проявлении. При этом только визионерское переживание могло в наибольшей степени реализовать такие романтические устремления, как “мечта о райском блаженстве” (Вакенродер), “видение священного созвучия всех существ в бесконечном блаженстве” (Гофман), “видение себя в прекрасном сказочном мире” (Новалис), “обретение себя в царстве провидения и мечты” (Уланд) и т. д. В обыденной же жизни,

по мнению романтиков, выражение таких устремлений может быть реализовано посредством создания произведений искусства. В этом контексте это также хорошо соотносится с подобными взглядами Олдоса Хаксли.

Таким образом, различные описания визионерского опыта в религии и искусстве, с одной стороны, иллюстрируют определенную состоятельность представленной на основе анализа точки зрения О. Хаксли в философских эссе “Двери восприятия” и “Рай и ад” и систематизации характерных признаков визионерского переживания “рабочей” модели визионерского переживания для анализа сходных визионерских переживаний у представителей любых других культурных ориентаций. С другой стороны, они поднимают ряд вопросов (таких как проблема социокультурной обусловленности образов визионерского переживания, проблему истинности этих образов), учет которых в анализе различных визионерских переживаний может определенным образом дополнить представленную нами модель и систему характерных признаков, представив ее в большей целостности.

¹ Визионерство. Словарь Ушакова on-line. // www.usakov.academic.ru/misc/usakov.nsf/listw.htm

² Рабинович В. С. Олдос Хаксли: эволюция творчества. – Екатеринбург: УрГУ, 1998. – с. 25.

³ Название было инспирировано строчкой из “Бракосочетания Неба и Ада” У. Блейка – “Если б расчищены были врата восприятия, всякое предстало бы человеку, как оно есть – бесконечным. Ибо человек замуравал себя так, что видит все чрез узкие щели пещеры своей”. (Блейк У. Бракосочетание Неба и Ада // Песни невинности и опыта. – СПб.: “Азбука”, 2000. – с. 191)

⁴ Новоселов М. Мистика Церкви и мистика западных верований. Печат. по тексту изд. 1914 г. – М.: Братство св. Алексия, 1995. // www.pravbeseda.org/library/nov01.htm.

⁵ Св. Григорий Синаит. Добротолюбие. Ч. 1 // Там же.

⁶ Там же.

⁷ Хаксли О. Рай и ад. // www.high.ru/library/heavenandhell.htm.

⁸ Юнг К. Г. Нейманн Э. Избранные статьи. Психоанализ и искусство. Пер. с англ. - М.: Киев: REFL-book, Ваклер. 1998 – с. 18.